

Абдулина А.Б.

Интенция исторической личности в казахской прозе XX века

Абдулина Алмагуль Бектасовна
доктор филологических наук, профессор
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль - Фараби, 71

Аннотация. В статье поставлена цель – исследовать мастерство казахских писателей-романистов в разработке наиболее сложной категории поэтики – психологического портрета. Аналитической платформой является интенция исторической личности в казахской прозе XX века и ее актуальные возможности в решении теоретических вопросов современного литературоведения.

Ключевые слова: казахская литература, роман, интенция, историческая личность, Тамерлан, психологический портрет.

Исторический контекст казахской литературы позволяет исследовать один из наиболее сложных вопросов теории, касающийся художественного воплощения лиц мировой и национальной истории. Образ реального субъекта в исторической прозе несет колоссальную смысловую нагрузку и необходимый рейтинг нравственной оценки. Два романа XX века – "Конец легенды" (1) Абиша Кекильбаева и "Поэт Хромого Тимура" (2) Марала Скакбаева – посвящены одной из наиболее ярких и драматичных личностей средневековой истории – Тимуру Гургану, Тимуру Великолепному, Тамербеку или Тамерлану, о котором сложено множество преданий и легендарных рассказов.

Прототипом образа Повелителя в первом из них послужила легенда о Тамерлане, ослепившем и лишившем языка талантливому зодчего, во втором – в основу сюжета положена история о поэте Хафизе, посмевавшем иносказательно осудить деяния властителя-тирана. В художественном

освоении этой темы хорошо известны многие другие опыты, например, эпопея С. Бородина "Звезды над Самаркандом", в которой концептуальной антитезой Повелителю Вселенной становится собирательный образ народа с акцентацией на контрастном Тимуру образе мудрого ученого-историка Ибн Халдуна. В одном из фрагментов другого романа, "Хромой Тимур", того же автора, Повелителю антитетичен Хафиз, поэт из народа.

В повествовании романа "Конец легенды" две ведущие темы – пагубности деспотической власти и вдохновенного творческого труда зодчего – блестяще раскрыты писателем в ярком психологическом повествовании. Мастерски владея всеми формами литературного психологизма, Абиш Кекильбаев создал уникальное полотно исторического романа, полнокровного, связанного многими нитями с вековыми истоками народной мудрости и нравственных ценностей, но, в то же самое время, писатель руководствовался скорее логикой характеров, чем только устной молвой. Марал Скакбаев в романе "Поэт Хромого Тимура" идет аналогичным путем собственного видения, развивая сцену беседы Тамерлана с поэтом Хафизом в целостное действие, дав придворному стихотворцу-летописцу имя Гияс.

В романе А. Кекильбаева образ Правителя акцентирован и вынесен на первый план повествовательного полотна. Последовательно писатель приводит своего героя к потере реального восприятия действительности, когда пришлось "признать горькую истину: его всемогущество, безраздельная власть, слава и честь так же призрачны, мимолетны и обманчивы, как и румянец на лице смазливой и похотливой бабенки, или как добро купчишки-крохобора". (1, 446) Внутренний мир человека изображается автором в процессе постоянного и непрерывного психического потока. Каждая картина сменяющих друг друга ситуаций структурирована сложной палитрой чувств и размышлений героев. И, прежде всего, главного персонажа – Повелителя, наделенного сильной, волевой натурой, никогда и ни перед кем не склонившего головы, но вдруг дрогнувшего и растерявшегося перед удивительной силой любви, обернувшейся для него коварством и предательством жены.

Душевные терзания становятся все более невыносимыми, и Повелитель решает обратиться за помощью к старцу, посвятившему всего себя служению Богу. Совершив трудное восхождение к горной обители отшельника, который выслушал его с язвительной ухмылкой, он услышал только: «Должно быть, сын мой, отпугнул ты духов, прогневил святых заступников. Подумай!..»

Терзания продолжались, не помогли чтение Корана и размышления над ним, не помогла всепоглощающая война. Постигла Повелителя кара – «страшная немощь сковала его, и под ним разверзлась черная пучина... В нем еще тлела свеча здравого рассудка, но сомнения и страх все решительней захватывали все его существо, растекались по всем жилам, и он подспудно понимал, что именно в них заключена его гибель». (1, 460) Конец легенды оказался бесславным завершением жизни такого же грешного, как и все простолюдины, Повелителя. Смерть уравнила Избранника судьбы с теми, кого он называл нечестивцами, чернью, презренным человеческим родом.

В романе "Поэт Хромого Тимура" образ жестокого завоевателя предстает с позиции и через восприятие поэта Гияса, избранного придворным летописцем за безукоризненное знание Корана и талант писателя-стихотворца. Повествование романа касается лишь одного факта – победоносного похода Тимура в землю Хинди (Индию), коварного замысла Правителя нарушить мирное обещание не грабить и убивать пленников. Злодейство было совершено, и это безнаказанное зло поражает молодого одаренного поэта, вынужденного, в угоду Железному Хромцу, найти в себе силы описать беззаконие и мерзость преступного деяния. Постепенно молодой юноша становится все более задумчивым, сосредоточенным в своем внутреннем мире умного, думающего и понимающего человека, который начинает ясно осознавать противоречивость поступков и самой природы всемогущего эмира. (2,27) В отличие от психологической доминанты стиля Кекильбаева, автор романа "Поэт Хромого Тимура" избирает путь более нейтрального повествователя, склонного к субъективизации сферы персонажа, добиваясь некоей предельной объективности в описании окружающего поэта мира, нежели углубленного

состояния перцепции героя. Последнее, бесчеловечное и ужасное пожелание, что услышал юноша на приеме у Тимура – сотворить из голов погибших высокую гору, повергло его в состояние смертных мук, и "самым нестерпимым стало лихорадочное противоборство дум, когда одна мысль теснит другую" (2,49) Взвинченная до предела душа молодого поэта разбудила и заставила восстать трезвый разум. Гияс отныне отказался искать и находить оправдания злодеяниям Правителя. У горы собранных черепов юноша теряет сознание, ему начинает казаться, что "мертвые головы зашевелились и все, как одна, оборотились к нему. Юноша готов спастись бегством, чувствуя за собой погоню, он оборачивается и видит, как гора развалилась, а головы скачут за ним, догоняя. Душа бьется в горле, готовясь покинуть брэнное тело. В безумном испуге Гияс скачет, пока конь не падает без сил, а юноша продолжает бежать, неведомо куда, затыкая ладонями уши . (2,55) Так завершается роман, оставляющий своего героя на пути к гибели или спасению. Это должен решить для себя только читатель, владеющий сложной полифонией эмоций и переживаний, принимающий мысль С. Трубецкого о том, что "абсолютно нового в истории никогда не бывает, историческое же развитие немислимо без исторической памяти – именно в этой памяти черпаются и образцы, и вдохновенье для всякого нового творчества". (3, 324)

Таким образом, романый материал казахской литературы дает возможность рассмотреть образную интенцию исторической личности или совокупность представлений о реальном лице, моделируя далекое прошлое, но при этом отвечая на сложные вопросы о времени, эпохе и человеке.

Библиографический список

1. Кекильбаев А. Конец легенды. – А.: Жалын, 1979
2. Скакбаев М. Поэт Хромого Тимура /Аманат: Алматы, 2011, №1
3. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М. Прогресс, 1995.